

В. К. ТРИАНДАФИЛЛОВ.
РАБОТЫ 1920—1930-х гг.

ИСТОКИ

Владимир Кириакович Триандафиллов давно и прочно приобрел репутацию глубокого и тонкого военного теоретика, но, кроме специалистов, он мало кому знаком. Немного известно и о его частной жизни. В отличие от большинства похороненных в Кремлевском некрополе, он не удостоился подробного жизнеописания - ни канонического, ни апокрифического. Редкие статьи в энциклопедиях, хрестоматиях и журналах имеют, как правило, один источник, достоверный, но специфический — некрологические материалы. И чем чаще о нем писали, тем больше загадок обнаруживает исследователь в его судьбе. Это верный признак многомерности прожитой жизни, яркой и непростой, при всей кажущейся монотонности его карьеры.

Он родился 14(26) марта 1894 г. в селе Магараджи (Карская область) в греческой крестьянской семье. Достаток ее едва ли был большим: в одном из некрологов Триандафиллова даже назвали батраком. Об этом трудно судить, но с привычной средой он порвал быстро, поступив в учительскую семинарию. Такие разрывы редко бывают произвольными. Здесь нетрудно усмотреть и признак «срединности», неустойчивости того жизненного уклада, в котором он вырос. Это можно оценить и как характерную реакцию неординарного и остро чувствующего свою социальную приниженность юноши.

Педагогическое поприще Триандафиллова не было длинным. В 1914 г. он призывается на фронт рядовым солдатом-сапером. Его образование, правда, вскоре было учтено. Он зачисляется во 2-ю московскую школу прапорщиков, которую кончает в ноябре 1915 г. Карьера его стремительна — через два года в чине штабс-капитана он уже командует батальоном на Юго-Западном фронте.⁴⁰⁵

---

⁴⁰⁵ Абрамов А. У Кремлевской стены. М., 1987. С.191.

Февральская революция придала его облику отличного и бесстрашного офицера необычные грани. Он быстро сближается с эсерами и вступает в их партию в мае 1917 г. Вряд ли он разбирался в оттенках социалистического радикализма и мог раздумывать, какой из его ветвей — народнической или большевистской — отдать предпочтение. Эсеры были наиболее популярным и известным политическим движением первых «дней свободы», в том числе и на Юго-Западном фронте, — к ним он и примкнул. Здесь, однако, очень показательно самое тяготение к радикализму. Это заметно отдаляло Триандафиллова от его сослуживцев-офицеров. Последние в массе своей с отвращением восприняли послефевральскую анархию на фронтах. Знавший Триандафиллова большевик В.А. Малаховский отмечал штабс-капитана в числе очень немногих офицеров, близких к солдатам.⁴⁰⁶ Это примечательное свидетельство. Оно столь же определено, как и эсеровский уклон, указывает на «внекастовость» его положения в военной среде. Имели ли здесь значимость социальные различия или этнические аспекты — сказать трудно. Эта отчужденность, однако, дает о себе знать в каждом последующем поступке Триандафиллова в бурные месяцы 1917 г.

Местом его службы был 6-й Финляндский пехотный полк — одно из подразделений VII армии Юго-Западного фронта. Армия была ненадежной — здесь даже при наступлении в июне 1917 г. солдаты братались с противником.⁴⁰⁷ Элементы ее распада сильнее всего проявлялись именно в 6-м полку. Его боялись как заразы — после провала июньского наступления отвели с фронта в тыл, под Проскуров. Настроение в полку было смутным и тревожным, слухам охотно верили, бездействие казалось преддверием грядущего наказания. Изоляция тек самым ускорила большевизацию солдат. В сентябре разведчики полка пробрались на австрийскую территорию с одной лишь целью — водрузить плакат с надписью «Долой войну!». Нескончаемая череда митингов стала главной приметой осени. На одном из них какой-то солдат предложил перебить всех начальников — от прапорщиков до полковника. Речь слушали равнодушно, но офицеры торопились быстрее оставить полк.⁴⁰⁸ И чем

⁴⁰⁶ Малаховский В. А. Финляндцы. // Октябрь на фронте. Воспоминания. М, 1967. С. 167.

⁴⁰⁷ Френкин М. Русская армия и революция. 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 268.

⁴⁰⁸ Малаховский В. А. Указ.соч. С.166; Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. М, 1983. С. 117.

анархичнее становились войска, тем больше мостов сжигал за собой Триандафилов. Сближение с радикалами оказалось быстрым, тотальным и окончательным.

Давно назревавший переворот в полку произошел через несколько дней после захвата власти большевиками. 28 октября 1917 г. полковой солдатский комитет был преобразован в военно-революционный комитет (ВРК). Командиром полка назначили Триандафиллова. Дело решили без проволочек и лишних формальностей — голосованием батальонов. Левый эсер Триандафиллов здесь действовал заодно с большевиками. Будущие союзники имели тогда много общего и в тактике и политических принципах. Это подчеркнул и осуществленный 6-м полком захват штаба VII армии 20 ноября 1917 г. Был распущен и заменен ВРК т. н. «соглашательский» армейский комитет. Активность полка — ударной силы в большевизации армии, определенно сказалась и на решениях 2-го армейского съезда. Он открылся 2-го декабря в Каменец-Подольском. Здесь революционные поступки Триандафиллова оценили должным образом — вместо смещенного генерала Я. К. Цеховича он был избран командующим VII армией.⁴⁰⁹

Столь неожиданное возвышение штабс-капитана сенсацией тогда не стало — верховным главнокомандующим еще не так давно был прапорщик Н. В. Крыленко. Правда, калейдоскопическая быстрота послеоктябрьских военных «карьер» имела и обратную сторону — скоротечность. Армия распалась еще быстрее, чем продвигался по службе новый «генералитет». Разумеется, между этими явлениями существовала прямая связь.

Борьба о развалом войск — главное занятие Триандафиллова за те несколько недель, когда он исполнял обязанности командарма. Ни о боеспособности армии, ни о ее дисциплине нельзя было и думать. Основными стали «тыловые» заботы. Они усугубились политическими неурядицами, привычными для окраин бывшей империи. Объявившая независимость Украины Центральная Рада спешила установить свою власть на Юго-Западном фронте.⁴¹⁰ Этому противились в войсках — и по политическим и по национальным причинам. К тем, кто не подчинялся украинским приказам, прекращали подвозить про-

⁴⁰⁹ *Гаврилов Л. М.* Указ. соч. С. 155–156.

⁴¹⁰ *Голубко В. К.* Участие войск Юго-Западного, VII-й армии Румынского фронтов и Черноморского флота в революционных событиях на Украине в марте 1917–феврале 1918 г. Автореф. дисс. к. и. н. Львов. 1991. С. 14.

довольствие, одежду, фураж В ответ слышались угрозы. Весь декабрь 1917 г. — это период усиления конфликтов между армией и Центральной Радой. В конечном счете этим и воспользовались большевики для захвата Киева в начале 1918 г.

Удар по Киеву предполагалось нанести с двух сторон: через Полтаву силами русско-украинских советских отрядов и из Правобережья — войсками преимущественно VII армии. Детали операции были уточнены Триандафилловым на совещании в ставке Юго-Западного фронта в начале января 1918 г. Расчет большевиков был точным. Солдаты не хотели ни воевать, ни просто служить. Они желали одного — уйти домой. Препятствием была Рада, не пропускавшая войска с оружием через Украину. Ее сокрушение, таким образом, и стало условием и ценой свободы солдат. Это и объясняет тот мощный удар, который ей был нанесен в январе 1918 г. Сметя таранным броском слабые украинские войска, VII армия к началу февраля 1918 г. прорвалась в Россию.⁴¹¹

Самого Триандафиллова в это время в армии уже не было. Он подал в отставку после того, как большевики создали в армии некий оперативный штаб, куда вошли в основном младшие чины.⁴¹² Триандафиллов возмутился. Коллективный «комиссариа́т» был очевидным умалением его власти и признаком недоверия к нему. Как бы то ни было, разлука с войсками не оказалась долгой. Армия стала не побочным эпизодом, а главной сценой его жизни, не средством существования, а его целью.

СУДЬБА

Военная биография Триандафиллова на первых порах имеет отпечаток хаоса. Его понесло как щепку в бурном водовороте войны и политических страстей. Его необычное поведение — характерный для сильного и волевого человека способ вживания в эпоху революционного распада. Бесконечная война придала его цивилизованию своеобразную «милитаристскую» форму. Понимание людей и событий, постижение всех сложных реалий жизни — все было соотнесено с войной и объяснено через войну. И потому в дальнейшей судьбе Триандафиллова ощущаешь уже не инерцию обстоятельств, а импульс самой его личности.

---

⁴¹¹ Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958. С. 240–243, 245.

⁴¹² Малаховский В. А. Указ. соч. С. 172.

Служба Триандафиллова возобновилась в июле 1918 г.: как офицер, он был призван в Красную армию. Легендарные «крыленковские» назначения давно отошли в прошлое. Высшие военные должности отдавали или «старым партийцам», или генштабистам. Бывшему командарму предложили начальствовать ротой на Саратовских учебных курсах. Карьера была тихой и неспешной, не в пример послеоктябрьской.

Он порывает с эсерами и в 1919 г. становится коммунистом. Особо памятное для него событие 1919 г. — поступление в ноябре в Военную академию в Москве. Оно глубоко символично: это была еще одна попытка прорвать иерархический армейский уклад. Академия пользовалась популярностью среди командных чинов, хотя, как выяснилось, ее слушатели не получали заметного продвижения по службе. Набор осени 1919 г. был вторым в ее истории. Учился Триандафиллов долго, но урывками. Причиной этому была война.

В боях против Белой армии он участвовал еще до поступления в Академию. Поволжье, Урал, Юг России — такова была география его поездок. Войну он закончил в составе 51-й стрелковой дивизии, памятной по штурму Перекопа.⁴¹³

В Академии он учился до 1923 г. «Исключительно скромный, выдержанный, несколько замкнутый, глубоко целеустремленный» — таким он запомнился в это время своим друзьям. Это были те черты, развитие и культивацию которых замечали позднее все, кто с ним встречался. «Образцовость» — качество, которое и ранее проявлялось в поступках Триандафиллова — было важной предпосылкой его дальнейшего успеха. Предпосылкой, но не решающим условием. Нужно было большее — то, что неизбежно выделило бы его из обычной среды и сразу обратило на себя общее внимание.

Таковыми стали его военно-исторические штудии. В поле его зрения — исключительно гражданская война, вернее, наиболее значительные ее операции. Работы составлялись на основе архивных документов, и очень показательно, что самые ранние из них — о тех событиях, в которых автор участвовал лично. Писал он «с каким-то особым старанием и трудолюбием» — общал позднее один из очевидцев. Его исторические изыскания позволили ему войти в Военно-научное общество (ННО) — своеобразный элитарный армейский клуб. На его заседаниях бывали

⁴¹³ Красная звезда. 1931 г. 14 ноября.

Л. Д. Троцкий, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский. В 1921 г. В. Триандафиллов выступал здесь даже трижды) — случай, довольно редкий для Общества. Доклады были подчеркнуто объективными, порой нелицеприятными и всегда откровенными. Риторики в них не было. Их отличал скрупулезный анализ всех оперативных комбинаций и почти филигранное выявление внутренних причинно-следственных связей различных фаз маневров. Доклады немедленно печатались — в сборниках трудов ВНО.

Эти работы имели одну особенность. При оценке событий Триандафиллов менее всего оглядывался на суждения командующих войсками и почти не считался с их авторитетом. Его описание — это прежде всего указание, как надо было поступить в том или ином случае и даже некий выговор за непринятие должных мер. Оно живо обличало в авторе не простого военного хронографа, но командира, который отчитывал подчиненных за их промахи. Данные работы — это скорее открытое и публичное заявление о том, как бы он распорядился своим талантом в сложных и опасных военных ситуациях.

Это было сразу замечено. К Триандафиллову начали присматриваться с интересом. Он запомнился Тухачевскому, тогдашнему начальнику Академии, всегда остро чувствовавшему новое и необычное. Блестящее окончание Академии упрочило его репутацию. Новое назначение являлось почетным — он был причислен к Штабу РККА. Первая его должность здесь — заместитель начальника отдела Оперативного управления.

ПЕРЕМЕНЫ

Последующая карьера Триандафиллова была ошеломляюще быстрой. Она состоялась, однако, не только благодаря его личным качествам. Многие в ней становятся ясным, если соотнести ее с военной реформой 1924–1928 гг. О последней много писали, но редко касались ее политических аспектов - крайне важных для понимания внутренних механизмов армейских преобразований.

Военная реформа явилась прямым продолжением политической распри — в полном соответствии со схемой столь популярного тогда Клаузевица. Внутрипартийная дискуссия, открытая Троцким осенью 1923 г., вынудила его оппонентов к поиску эффективных контрмер. Армия, бывшая вотчиной Троцкого, внушала правящему триумvirату — И. В. Сталину, Л. Б. Каменеву к Г. Е. Зиновьеву - наибольшие опасения. Удар

по РККА преследовал две цели: ослабить военный и партийный авторитет Троцкого путем дискредитации армейских порядков и провести «чистку» в войсках, маскируя ее прагматическими доводами. Обе эти задачи были успешно решены.

Армия действительно нуждалась в переменах. К концу 1923 г. она ещё отчетливо несла на себе отпечаток российской междоусобицы 1918–1920 гг., в которой она выросла и окрепла. Широкой ломки здесь боялись, поочередно ожидая то внутреннего успокоения в стране, то революционного хаоса за ее пределами. Неизбежную реформу тормозили и частые болезни Троцкого в 1923–1924 гг. и вакуум власти в России во время многомесячной агонии Ленина. И партийный раскол оказался, как это ни парадоксально, тем элементом, который не только усилил модернизацию РККА, но и сделал ее возможной в кратчайшие сроки.

Первым шагом реформы стало создание 14 января 1924 г. комиссии во главе с С. И. Гусевым. Она должна была проверить снабжение Красной Армии и изучить причины «текучести личного состава». Выводы ее, объявленные уже через три недели на Пленуме ЦК РКП(б), были более широкими, и, как правило, удручающими. Крайне жесткой критике подверглись, правда, только высшие структуры — Штаб РККА и Реввоенсовет. Их обвиняли и в бюрократизме, и в канцелярщине, и в мелочности, и в бессистемности. Особую неприязнь вызывали «военспецы», бывшие долгое время опорой Троцкого. «Во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов... Реввоенсоветом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас выросли в годы гражданской войны, которые после гражданской войны обучались и которые способны были теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы» — такие обвинения слышались на Пленуме из уст Гусева.⁴¹⁴ Нетрудно увидеть, сколь многое в этой фразе касалось и Триандафиллова, именно тогда и начавшего свою успешную карьеру.

Попеременно создаются еще несколько комиссий, дружными усилиями которых удалось убрать Э. Л. Склянского — второго человека в армии, фактически руководившего ею в период

---

⁴¹⁴ Цит. по: *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 24.

«междучарствия» 1923–1924 гг. На вакантное место Заместителя Председателя РВС был назначен М. В. Фрунзе, через год окончательно заменивший Троцкого на всех его военных постах.⁴¹⁵ 1 апреля 1924 г. Фрунзе передают еще одну должность — начальника и комиссара Штаба РККА. Помощником ему определили Тухачевского и уже 15 апреля быстро следует новое назначение и Триандафиллову — начальником отдела Оперативного управления Штаба. В сентябре 1925 г., когда отношения Фрунзе с Тухачевским стали особенно тесными, он получает и более высокий пост начальника Оперативного управления.

Внутриармейская перестройка потребовала немалых усилий по переделке старых и составлению новых боевых уставов. Толчок «уставному» творчеству дал Фрунзе, всегда тяготевший к регламентации, столь удивлявшей Троцкого. Триандафиллов, любивший детальную систематизацию всех элементов военных операции, вплоть до мелочей, оказался здесь к месту. Впечатляет уже один перечень (еще не полный) боевых наставлений 1925–1928 гг.: временный Полевой устав РККА (дивизия, корпус), Боевой устав пехоты РККА (часть 2), Полевой устав РККА, Боевой устав артиллерии РККА, Боевой устав броневых сил РККА (часть I), Боевой устав конницы РККА, Боевой устав Военно-воздушных сил РККА, Боевой устав Военно-Морского Флота, устав внутренней службы, устав гарнизонной службы.⁴¹⁶

Бесконечное «уставотворчество» привело к тому, что Триандафиллов был постоянно на виду. Уставы надо было согласовывать, одобрять, подписывать - и обязательно в верхах. Его способности стали заметны многим. «Исключительный талант, широкий оперативный кругозор, высокое политическое развитие и огромная работоспособность» — именно эти таланты, как писалось в одном из некрологов, и были учтены при назначении его на должность заместителя начальника Штаба РККА в октябре 1928 г. Оно состоялось уже без Тухачевского, ушедшего с поста начальника Штаба в мае 1928 г.

ТУХАЧЕВСКИЙ

Их сближение состоялось еще в Академии, где Тухачевский внимательно следил за молодыми и способными командирами.

---

⁴¹⁵ История военного искусства. Сборник материалов. Выпуск 4. Т. 2. М., 1952. С. 24.

⁴¹⁶ История военного искусства. М., 1966. С. 297–298.

На них он и опирался, борясь с влиянием в РККА бывших генштабистов. Последние не ценили ни таланты Тухачевского, ни его знания и не делали из этого тайны. Будущих соратников объединили, однако, не полемические упражнения. Триандафиллов сдержанно участвовал в инициированной Тухачевским дискуссии против А. А. Свечина, на последней стадии, которой было трудно отличить академический спор от политического доноса. Их связь была сложнее и глубже, чем простые тактические комбинации.

Тухачевского иногда обвиняли в пристрастии к химерам, в фантастичности замыслов и пренебрежении к рутинным армейским делам. Отчасти он и сам давал этому повод. Нетерпение и быстрота — характерные черты его жизни и карьеры. Импровизации всегда соседствовали здесь со строгим расчетом и зачастую подавляли его. Размеренность и умеренность ему претили. Склонный к артистизму и ценивший утонченность, он всегда искал необычных сотрудников, необычных дел и необычно быстрых военных успехов. Последних нельзя было достичь долгой и изнурительной позиционной борьбой — западный опыт 1914–1918 гг. это ярко доказал. Нужен был таранный натиск — быстрый, молниеносный и впечатляющий, как удар по Варшаве в 1920 г.

Военная мысль Тухачевского очень точно отразила его военные наклонности. Опыт польской кампании многому научил его, но пьянящей быстроты варшавского броска он забыть не мог. Теория последовательных операций, обоснованная им, — это попытка повторить прошлое, но уже по-другому, «по науке». Согласно ей, разгром противника достигается не одной, а несколькими операциями, следующими друг за другом. Не искусный обходной маневр частного значения, не ограниченное лавирование, а глубинный таранный удар — вот что должно стать главной причиной сокрушения. Необычность исполнения требует и особо мощных технических средств. Военные новинки — танки, подводные лодки, самолеты, бронемашины — стали страстью Тухачевского. Проекты и прожекты на сей счет составляли немалую часть его служебных забот.

Оборотной стороной военного «романтизма» Тухачевского были несомненно присущие ему трезвость и чувство реализма. Он ставил необычные цели, но требовал для их решения подробных расчетов, тщательного обдумывания оперативных ком-

бинаций, внимания к социальным и экономическим факторам. Отсюда его неприязнь к «партизанщине» и военному шаблону, усиленная личными разногласиями с ворошиловской группой и вообще с «конниками».

Многие его идеи были учтены и специфически «обработаны» Триандафилловым. «Фантастические» проекты Тухачевского, казавшиеся лишь причудливо-салонной игрой ума, он переложил в жесткие формулы и расчеты прикладных исследований. Это помогло их публичному одобрению и канонизации в военной науке. Подвижность военного мышления, эрудиция, быстрое «схватывание» и углубленное понимание любого дела, подчеркнуто строгий объективизм, редкая энергичность и уникальная работоспособность — все эти качества Триандафиллова явились психологической предпосылкой его новаторских оперативных приемов. И Триандафиллову и Тухачевскому в конечном счете оказались присущими общие методы и принципы военного мышления, хотя шли они к этому и разными путями.

Их совместная работа в Штабе РККА еще более унифицировала их взгляды. Ее результат — полевые уставы 1925 и 1929 гг. и уникальные наставления «Полевая служба штабов» и «Высшее командование», бывшие новинкой не только в России, но и в Европе. Г. Иссерсон вспоминает еще как итог их сотворчества «ряд закрытых инструкций и наставлений оперативного характера».⁴¹⁷ Эти уставы — элементы кодификации новых способов операций. Форма инструкций предала им обязательность, нормативность и тотальность, тем самым расширив их влияние и значимость. Сблизило обоих и пристальное внимание к техническим средствам войны. Поздние теоретические этюды Триандафиллова полностью соотнесены с военной техникой, последняя была представлена как мерило их истинности и практичности.

Пресловутый тактический прагматизм Тухачевского нашел у Триандафиллова безусловную поддержку. Никогда не забывавший ритуальных политических фраз, Тухачевский в целом противился чрезмерной политизации военной теории. Этим любил заниматься столь неприятные ему «конники», да и прочие военные, чей дилетантизм он зорко подмечал. Теория «особой маневренности», утверждавшая, что пролетарская армия изна-

---

⁴¹⁷ Иссерсон Г. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 69.

чально сильное буржуазной, вызывала у него к концу жизни сильную аллергию; близкие ей собственные увлечения конца 10-х годов были уже забыты. И характерно, что в этой связи он незадолго до смерти снова упомянул о своем друге: «Триандафиллов... подвергся большим нападкам со стороны товарищей, придерживающихся этой теории. Его обвиняли в проповеди позиционной войны. Сторонники этой теории видели в новом человеке, в советском рабочем и колхознике, все необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить ведение маневренной войны. Как преодолеть пулеметное могущество боевого порядка современного противника, этому теория не учила».⁴¹⁸ Триандафиллов здесь упомянут не случайно. Трудно скрываемый сарказм этой фразы был следствием их общей прагматической реакции на смешение профессионального с политическим

«Тов. Триандафиллов-Кириакич, как мы, его друзья, любили его называть, развивался и быстро и неуклонно — в громадную армейскую величину»,⁴¹⁹ — скажет Тухачевский после его смерти. Эту оценку итога жизни своего единомышленника он не менял никогда. Он тяжело пережил его гибель. Он вспоминал его чаще других, всегда ссылаясь на него и даже посвятил ему свою большую книгу «Новые вопросы войны». Маршала расстреляли в 1937 г., как и почти всех его соратников. А книга с посвящением издана не была - ее рукопись изъяли при аресте.

КАНОН

Идеи Триандафиллова имеют сложное происхождение. Они генетически связаны с различными направлениями военной мысли. Они их и развивали и изменяли, и нередко им противоречили. Триандафиллова трудно себе представить вне контекста его эпохи. Многие его разработки были соотнесены с советским военно-научным каноном в том виде, в каком он сложился в 1920-е гг.

Счет советским военным теоретикам обычно ведут с Фрунзе, стараясь не говорить о Троцком. Это не случайно и не объяснимо влиянием только политической конъюнктуры Будучи трезвым прагматиком, Троцкий с недоверием отнесся к «пролетарской» военной доктрине, во многом созданной усердием

---

⁴¹⁸ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917–1940. М., 1965. С. 111.

⁴¹⁹ Известия. 1931. 14 июля.

Фрунзе. Отчасти его реакция была обусловлена тем теоретическим уровнем, на котором создавалась новая доктрина. Для Фрунзе вообще было характерно своеобразное сочетание практицизма и ориентации на ортодоксальные клише. Знакомство с его военно-научным творчеством 1920-х гг. наглядно убеждает в этом. Вот его выступление 1921 г.: «Троцкий говорит, что маневренность, подвижность... не могут быть связаны с тем, что во главе Красной Армии оказались пролетарские элементы. По-моему, это не совсем так. Возьмем старую царскую армию. Кто стоял во главе ее? Российское дворянство. Что такое было наше дворянство? Распавшийся экономически класс: дезорганизованный, выбитый из классово-войсковой позиции, он не мог ничего сделать. Возьмем теперь германское юнкерство. Это был класс крепкий экономически, державший бразды правления в своих руках». А вот и продолжение этой темы в 1922 г.: «Внутри Красной Армии в полной мере царит дух пролетариата... Этим обстоятельством... объясняется в значительной мере то, что маневренность с ее величайшей подвижностью нашла такое широкое применение в боевом опыте Красной Армии. Правда, мы не должны переоценивать, это... Но повторяю, наряду с... чисто объективными условиями здесь, несомненно, роль и притом очень крупную, играли моменты, вытекающие из классово-войсковой природы Красной Армии, из духовных свойств руководящих его пролетарских элементов».⁴²⁰ Вот этого Троцкий и не любил. С «пролетарским духом» он познакомился в годы войны; он сделал ставку на бывших офицеров и на дисциплину расстрелов и выиграл. Он тоже был прагматичным импровизатором, под стать Тухачевскому. Он не претендовал на лавры военного теоретика. Война не может иметь вечных законов. «Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона и покррой шинели, являются очень рискованным упражнением» — все это он писал в 1922 г.⁴²¹ В военных сочинениях Троцкого виден скорее блестящий литератор, который принужден писать на армейские темы. Те формы полемики, которые были отточены Троцким в политических и литературных дискуссиях, были механически

---

⁴²⁰ Вопросы стратегии... С. 43–44, 55.

⁴²¹ Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Пг., 1921. С. 12, 18.

перенесены им в сферу военных споров. Политический термин заменялся военным, но код и приемы полемического упражнения оставались прежними.

Троцкому часто напоминали его слова о предпочтительности чистки сапог перед военно-теоретическими прениями. Его вину увидели в ограниченности и даже в примитивности. Но это лишь одна из граней его практицизма, высказанного, правда, в заостренно-провоцирующей форме, столь характерной для его литературных поединков. Цену истинно научному военному творчеству он знал. У него мы можем найти, например, следующее рассуждение: «Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет и если расходятся, то в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подытожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину — вот действительно большая и насущная задача».⁴²²

Это та программа, которой Триандафиллов следовал строго и неуклонно всю свою жизнь. Она очень точно выражает и его теоретические подходы и его практические приемы. Системность и порядок, водворяемые в армии Фрунзе, были ему близки - но схоластику он отвергал напрочь. Теория и практика Троцкого ощутимо повлияла на ту военную среду, где завершалось формирование Триандафиллова — солдата и теоретика. Влияние Троцкого было и прямым и опосредованным: через армейский быт, через Академию, через штабную работу, через Тухачевского. Оно усилило многие черты, присущие Триандафиллову, и в первую очередь его прагматизм, гибкость и объективность.

Военных теоретиков 1920-х гг. условно можно разделить на две группы. Первая из них связана с «генштабовской» традици-

⁴²² Там же. С. 51.

ей. Ее составляли по преимуществу бывшие офицеры Генерального штаба, либо лица, получившие академическое военное образование до революции. Это были люди, быстро примкнувшие к новым властям и сделавшие карьеру в гражданскую войну. Вторая группа объединяла более молодых военачальников. Они также поступили на службу еще до 1917 г., но уже всецело были обязаны своим положением большевикам. Разумеется, эта классификация схематична, но она позволяет оттенять специфику и истоки стиля военных писателей 1920-х гг. Их политические амбиции и групповые пристрастия она не объясняет: это было следствием более сложного переплетения многих причин.

Наиболее известны из «генштабовских» мыслителей Б. М. Шапошников, А. И. Верховский, И. И. Вацетис, А. А. Свечин, С. С. Каменев. Их общая и характерная черта — это особое внимание к вопросам политики и стратегии. Тактических проблем и оперативных тонкостей они касались редко. Так, у Б. М. Шапошникова, в его работе «Мозг армии, мы находим описание и дипломатии, и военной истории и подробное, почти ритуальное сличение практики с цитатами классиков коммунизма. Сама книга имеет вид популярных очерков об армейском штабе. Ее основное достоинство — систематичность. Вообще это типичная работа «общего плана» — интерес к деталям здесь невелик. Близкой к ней по настрою была и книга А. И. Верховского «Огонь, маневр, маскировка» (1928): Ее отличают не только заметный «технократизм», но и обилие исторических экскурсов — к Каннам, к 1-й мировой войне, вообще к западным образцам. Большой практицизм показателен для С. С. Каменева; его труд «Очередные военные задачи» (1922) содержит достаточно прагматичный разбор операций гражданской войны. Выводы его менее глобальны, но зато более конкретны.

Очень талантливым в этой когорте был А. А. Свечин. Он выделялся и глубиной теоретического анализа и эрудицией. Пожалуй, это был и один из лучших стилистов среди военных писателей тех лет. В отличие от Триандафиллова, он не уснащал свою «Стратегию» (1927) цифровыми выкладками. Много описывалось традиционно, в общем плане - но тонко, блестяще и умно. Даже самые названия глав «Стратегии» указывают на четкость, сжатость к напряженность его мысли: «Эволюция операции», «обрыв операции», «кривая стратегического напряжения», «одновременное преследование нескольких позитивных

целей», «стратегическая линия поведения». Он эффективнее всего дал образец общей тактической и стратегической систематизации, виртуозно отшлифованной затем Триандафилловым.

Однако со Свечиным Триандафиллов и спорил. Это было во время дискуссии о стратегии «измора», начатой со второй половины 20-х гг. Объектом наладок стала вполне ортодоксальная идея Свечина о чередовании обороны и наступления. Ослабления, «измора» противника предлагалось достигать и изнурительными позиционными боями, а не только таранным ударом. Эта идея была односторонне искажена и абсолютизирована — в силу разных причин. Свечина оценили как противника наступательных действий — и сразу сделали политические выводы. Вся эта полемика являлась лишь одной из фаз групповой борьбы среди нового советского «генералитета», Ее теоретическая значимость невысока, но в эволюции Триандафиллова она сыграла определенную роль. Она дала ему возможность обозначить именно активное начало в планировании и проведении операций. Это, собственно, инициировало особо изощренный, продуманный, напряженный поиск тех средств, которые могли стать «материальной» основой для наступления. Шел бой с выдуманным противником — но делались выводы и расчеты, очень значимые для борьбы с противником реальным.

Наиболее резким оппонентом Свечина был Тухачевский. Он рано начал писать на военные темы и его взгляды со временем претерпели характерные изменения. Работы Тухачевского конца 1919-х—начала 20-х гг. имели ярко выраженную политическую направленность. «Стратегия классовая и национальная» (1920) и сборник статей «Борьба классов» (1921) — все это было его попыткой разобраться не столько в военных вопросах, сколько в политике. Его теоретические поиски иногда вызвали едкую критику и в военной среде и в правящих кругах; замечания делал и Троцкий, в целом высоко его ценивший. Он вскоре и сам почувствовал чрезмерность иных своих построений - но инерция прежнего мышления преодолевалась с трудом. Один из примеров этого - его доклад на съезде Военно-научного общества в 1926 г. Он тогда же был опубликован, получив заголовок «Вопросы современной стратегии». Политические вкрапления заметны и здесь: есть рассуждения о Ллойд-Джордже, о Лиге Наций, о «социал-предательских партиях», о 15 съезде ВКП(б), о пролетарской революции. Это общая и «обзор-

ная» статья, не конкретная и без цифр — но очень трезвая, без политических перегибов. И эти последние черты вскоре станут преобладающими для работ Тухачевского — при всей его тяге к необычному и даже фантастическому. Тухачевский придал определенной четкости и даже жесткости военной мысли. Все это позднее передастся и Триандафиллову. Вместе о том она останется у Тухачевского по преимуществу не практической, как у Триандафиллова, а теоретико-стратегической.

Ранее упоминалось о предложенной Тухачевским концепции последовательных операций. Именно она, как и ряд смежных с ней тактических проблей, была в центре внимания армейской «красной профессуры» — другой из групп военных теоретиков. Известность среди них приобрели, помимо Триандафиллова, О. М. Белицкий, Н. Е. Коленковский, Н. Н. Мовчин, Н. Е. Варфоломеев, А. М. Вольпе. Политико-стратегические аспекты войны мало интересовали этих авторов. Определяющим здесь стал конкретный анализ различных фаз последовательных операций и, что очень важно, их технического обеспечения. Правда, чрезмерная детализация и почти математический расчет всех элементов операции примечателен, пожалуй, лишь для Триандафиллова.

Книга Коленковского «О наступательной операции армии, входящей в состав фронта» (1930) — все еще имеет форму популярного очерка. Но расчеты здесь уже есть, хотя их и мало. Сама книга напоминает военно-полевой устав, с его подробной росписью и перечислением обязанностей. Ближе к манере Триандафиллова работа Белицкого «Стратегические резервы» (1930). Здесь мы уже видим очень дотошный, в истинно «триандафилловском» духе, разбор и систематизацию одной из частных, но важных оперативных проблем. Автор изучает такие вопросы, как обеспечение операций, переброска и использование стратегических резервов, ввоз их в линию фронта, работа штабов. Это, собственно, уже военная монография, хотя кое-где Белицкий ограничивался только «постановкой проблемы». Заслуживает внимания и еще одно исследование — «Фронтальный удар» Вольпе (1931). Это анализ различных видов таранных бросков, их специфики, продолжительности и глубины — темы, получившие у Триандафиллова и системную форму, и цифровое обоснование.

Отметим, что все эти работы, как и книга Триандафиллова, увидели свет почти в одно и то же время. Вопрос о влияниях

здесь очень сложен. Взгляды Триандафиллова — это и синтез коллективных разработок и индивидуальные поправки к ним. Прежний канон военного мышления и его трансформация, обусловленная духовной ситуацией эпохи — все это одинаково сказалось в его теоретическом поиске. Он брал и старое и новое, он их и перемешивал и видоизменял. Источник его идей — это и чужой и собственный опыт, и пережитое и прочитанное.

ИСТОРИЯ

Исторические сочинения Триандафиллова были своеобразной лабораторией, в которой оттачивалась его терминология и приобретали отчетливые оперативные идеи. Выше уже предлагалась их общая оценка. Здесь мы попытаемся выявить их связь со стилем мышления Триандафиллова.

Одна из первых его работ — о наступательной операции Южного фронта по ликвидации деникинской армии — опубликована в 1921 г. Ее отличает предельная конкретность изложения, подчеркнутая отсутствием агитационных «вступлений». Это отчасти вызвано и самым принципом структурирования текста. Материал разбит на ряд главков, имеющих краткие названия: «Обстановка на фронте 10 окт. 1919 г.» «силы Юж-фронта», «состояние армий», «силы противника», «театр военных действий» и т.д. Нормативность формы здесь очевидно является элементом становления прагматического мышления. Эта четкость и жесткость изложения получили свое адекватное воплощение в выгодах, заключающих статью. Первый из них призывает учитывать социальные конфликты в прифронтовой зоне «при выборе операционного направления». Несмотря на «социологический» оттенок, этот вывод целиком практический: он сделан на основе изучения деникинского тыла. Здесь примечательно желание преодолеть узость чисто «технократических» приемов планирования операций. Далеко по этому пути он не пошел, но самое внимание к полифонии военных факторов объясняет многое.

Второй вывод уже полностью «профессиональный». Если войск мало, можно допустить и образование «пустот» по фронтовой линии. Нужно, чтобы не «боялись этих зияющих дыр во

фронте и держались сосредоточенно на главных направлениях, сохраняя возможность гибко маневрировать и наносить удары... Глубокое же построение всегда дает возможность или встретить обходящего противника встречным ударом или парировать его удар выдвиганием из глубины». ⁴²³ Тут очень заметен ряд пассажей, присущих зрелым сочинениям Триандафиллова. Правда, до теории глубоких массивованных ударов, разрушающих оборону, пока еще далеко. Подходы к ней пробуются осторожно, словно наощупь. Это только начало поиска новых средств борьбы. Как бы не относиться к этому выводу, нельзя не признать — он показывает нестандартность военно-оперативных замыслов автора. Интересен в этом отношении и третий вывод — о связи штатного построения дивизии и ее тактических успехов. Он допускал «возможность в пределах дивизии оперировать большим количеством бригад, чем три. “Тройка” не годится для стратегических задач, она толкает только на шаблонные решения». ⁴²⁴ Это первая проба той диалектики формы и содержания, применение которой ему затем многие поставят в заслугу.

Следующая статья — о «Ликвидации Врангеля» — увидела свет в 1922 г. ⁴²⁵ Формальным образцом для нее послужила предыдущая работа. Структура текста здесь повторена почти в деталях. Вместе с тем выводы статьи более обширны, стройны, аполитичны и глубоки. Ранний писательский опыт оказался полезным — в выводах не было ни случайного, ни банального. Весь этот раздел работы скорее напоминал уже систематический эскиз его будущих теоретических изысканий. Об этом напоминают дробящие его подглавки: «маневр и бой», «принципы боя», «формы маневра», «укрепленные позиции», «преследование», «внешние и внутренние линии», «действия отдельных родов войск». Как и в раннем опыте, в основе построения «выводов» — не хронологический, а тематический принцип; здесь он проведен даже более последовательно.

Данная традиция была упрочена в третьей статье — о фор-

---

⁴²³ *Триандафиллов В.* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта по ликвидации Деникинской армии (период с октября 1919 г. по 15 февраля 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной Академии. 1921. Кн. 1. С. 151.

⁴²⁴ Там же. С. 152–153.

⁴²⁵ *Триандафиллов В.* Ликвидация Врангеля (Стратегический разбор наступательной операции Южного фронта с 25 октября по 15 ноября 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества. Книга вторая. Май. 1922. С. 106–151.

сировании Перекопского перешейка.⁴²⁶ Ее главной задачей стала детализация предыдущей работы - к историческая, и военно-оперативная. Здесь автор в своих «Выводах» затрагивает уже такие темы, как «выбор пункта решительной атаки», «второстепенные участки», прием атаки укрепленной позиции», «огонь и движение», «взаимодействие пехоты и артиллерии», «средства обороны и их использование». Теоретические части обеих статей о Крымской кампании представляют неразрывное единство, дополняя, развивая и поправляя друг друга.

Эта манера превращать историческую статью в практическое пособие была утрачена в поздних работах Триандафиллова в данном жанре. Возможно, в том уже и не было нужды — оперативные вопросы тогда подробно освещались в его специальных исследованиях. Наиболее интересной из исторических штудий 1925 г. была статья о наступлении Красной Армии на Вислу в 1920 г.⁴²⁷ Видимо, она инициирована Тухачевским, искавшим любой повод для своей аналогии в польской кампании. Это вообще одна из лучших работ Триандафиллова — в ней многое глубоко, блестяще, умно. Но выводы ее очень кратки и аморфны: от командиров требовалась «большая твердость», «ясное и четкое понимание задач» и т. п.

Сейчас трудно искать этому причины. Для Триандафиллова обращение к данной теме не было случайным. Польский опыт был главной лабораторией для изучения концепции последовательных операции. Характерно уже название одной из работ военного теоретика Н. Н. Мовчина, выпущенной в 1928 г. — «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы». Военные идеи Тухачевского, как отмечалось ранее, своеобразный протограф теории глубокой операции. Между ними такое же сходство, как между эскизом и законченной картиной. Стратегические замыслы и догадки должны быть «заземлены», просчитаны, систематизированы — только в этом виде они и обретали реальность. Решение этой задачи и стало делом Триандафиллова. Изменение парадигмы военного мышления — таков был его конечный результат.

---

⁴²⁶ *Триандафиллов В.* Форсирование Перекопского перешейка 7–11 ноября 1920 г. (Действия 51-й Московской стр. дивизии) // Сборник трудов ВНО. Книга четвертая. 1927. С. 135–190.

⁴²⁷ *Триандафиллов В.* Взаимодействие между Западным и Юго западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии на Вислу в 1920 г. // Война и революция. 1925. № 2. С. 50–51.

ИДЕИ

Теоретические работы Триандафиллова можно разделить на две части. Первая из них включает его военно-учебные пособия. Собственно, идеи Триандафиллова в наиболее полном виде аккумулированы в одной его книге — «Характер операций современных армий». Она увидела свет в 1929 г. Через три года появилось новое, дополненное издание — последнее. Книге предшествовал ряд его небольших теоретических эссе. Самые значительные из них — «Возможная численность будущих армий» (1927) и «Размах операции современных армий» (1926). Обе они — в измененном виде — станут частями его главной книги. Первая статья — это своеобразное военно-статистическое исследование с элементами «футурологии». Оно показательно той методичностью и строгим расчетом, которые автор применяет не только к прошлому и настоящему, что вполне понятно, но даже и к будущему. Во второй статье очень заметно тяготение к цифровым раскладам. Оно не будет еще столь вызывающим, как в последней книге, но оформление его несомненно.

Основной труд Триандафиллова имеет четкую и разветвленную структуру. Он разделен на две части. Первая из них — «Состояние современных армий» — быстро устарела и ныне интересна лишь историкам. В ней изучены развитие военной техники после мировой войны, возможная численность мобилизованных армий и организация войск. Ценнейшей считалась вторая часть — «Операции современных армий». Она состоит из трех глав. В разделе «Исходные положения» рассмотрены плотность оперативного развертывания, авиационная плотность, оборонительные и наступательные возможности дивизии и корпуса. В разделе «Операция» даны характеристики ударной армии, изучены подход к полю сражения, завязка к ведению сражения, длительность и глубина, операции, наступление на широком фронте, оборонительные операции. В заключительном разделе книги анализируются последовательные операции. Здесь в центре внимания — темы продвижения наступательных армий, размах последовательных операций, характер действия ударных группировок, задачи политического обеспечения, вопросы управления.

Уже одно перечисление этих тем дает представление об энциклопедичности замыслов автора. Здесь мы не заметим «строительных лесов» новой теории. Автор не подчеркивает про-

блемность, нерешенность, неоднозначность, поливариантность ряда затрагиваемых вопросов. Результаты подготовительной работы скрыты за предписывающими формулами почти безапелляционными несмотря на оговорки. Но этот труд лишь внешне имитировал спокойствие и размеренность энциклопедий. Он не является компиляцией прежних знаний и старых подходов, он словно создается на ходу.

В аннотации к книге сказано, что «она не страдает отвлеченностью и беспочвенной абстрактностью».⁴²⁸ С этим согласуются и позднейшие ее оценки. Вся она — царство цифр. Тут все рассчитано — сколько в день проходит полк, дивизия, корпус, какое число орудий, танков и бронемашин должно быть им придано, как быстро двигаются самолеты и тыловые поезда, каков радиус действия артиллерии и насколько точны ее удары. Все это достигает такой изошренности, что начинает казаться педантизмом. Триандафиллов предвидел возможность подобных обвинений. Он писал, что «нельзя принимать приводимые в настоящей работе цифровые нормы безоговорочно для всех случаев. Весь цифровой материал этой работы имеет только ориентирующее значение; он дает те исходные данные, от которых надо идти при тех или иных конкретных расчетах, для каждой конкретной обстановки эти нормы могут измениться. Установить характер и степень таких изменений — дело полководца, — дело практического деятеля».⁴²⁹ Но и этого ему показалось мало. Он еще и особо подчеркнул, что ввиду возможных изменений в боевой технике и организации войск «все тактические и оперативные положения и выводы автора имеет силу главный образом для операций первого периода этой войны».⁴³⁰

Главная цель, однако, была достигнута. Военный успех был представлен не как следствие только полководческих озарений, но и как «материальный» результат умелого использования различных факторов — экономических, политических, психологических, технических и организационных. Опрокинуть военную «алгебру» Триандафиллова можно было уже не остроумным полемическим приемом, а скрупулезной проверкой его расчетов. Это помогло не столько опровергнуть его идеи, сколько

⁴²⁸ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. Второе издание. М., 1932. С. 3.

⁴²⁹ Там же. С. 6.

⁴³⁰ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М., 1929. С.

их обогатить.

Теория глубокой операции создавалась не сразу. Позднейшие модификации мешают реконструкции ее раннего ядра. Первым, кто заговорил о глубоком бое, был знаменитый военный теоретик Фуллер. Это произошло уже в конце мировой войны. Фуллер предлагал дополнить танковую атаку на позиции противника прорывом с помощью быстроходных танков и всей глубины его тактической обороны. Танками все дело и ограничилось — Фуллер скептически оценивал возможность взаимодействия машин и пехоты. Это все равно, что запрячь трактор с лошадьё — так рассуждал он.⁴³¹ Идеи Фуллера были лишь одним из источников триандафилдовских концепций, и притом не самым важным. Но мысль о «технической» основе глубокого прорыва запомнилась ему надолго.

Внешне что-то в его построениях и напоминает фуллеровскую схему. Внутренние различия, однако, велики. Предлагается использовать два типа маневров (или ударов). Атакующие войска («эшелон прорыва») разрывают фронт, но не идут вглубь, а действуют по внешним операционным связям. В образовавшуюся брешь врывается эшелон развития прорыва». Он наносит мощный удар уже по всей глубине фронта, по его внутренним операционным связям. Триандафиллов считал более эффективным не таранный удар в одном направлении, а несколько ударов по пересекающимся векторам. Это облегчало расчленение и окружение противника.

Важный фактор «развития прорыва» — технические средства. Быстроту прорыва должны были обеспечить в первую очередь авиация и воздушно-десантные войска. Они помогают выйти на оперативный простор основной массе армий. Один из главных элементов прорыва — танки. Предполагалось использовать их в виде трех эшелонов — непосредственной поддержки пехоты (НПП), дальней поддержки пехоты (ДПП), дальнего действия (ДД). Каждый из них имеет особую задачу. Танки НПП оказывают прямую поддержку пехоте в прорыве, танки ДПП — расширяют и укрепляют его коридор, танки ДД проникают на всю тактическую глубину расположения противника. Все танки действуют одновременно, но с разным оперативным радиусом. Одно из необходимых условий их успеха — это правильное взаимодействие с пехотой, авиацией,

⁴³¹ *Иссерсон Г.* Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С. 132–133.

дальнобойной артиллерией.

Много внимания уделял Триандафиллов подготовке операции. Мысль о зависимости глубины наступления от состояния тыла атакующих войск принципиально новой не была. Однако Триандафиллов, пожалуй, впервые в советской литературе столь математически изощренно рассчитал основные параметры этой связи.

Продолжительность операции ударной армии он оценивал в 6-7 дней; ее ширину и глубину — в 35-50 километров. Позднее, готовя новое издание книги, он предложил уже иные нормы — 80-100 километров при нормальной работе авиации и транспорта. Для развития и закрепления успеха нужно было, чтобы одна операция непрерывно следовала за другой — и на одном направлении. Схема последовательных операций, предложенная Тухачевским, в общих чертах была сохранена и здесь. Цикл этих операций должен был длиться около 30 дней и позволить войскам продвинуться на глубину 250-300 километров. Предлагать большее при тогдашнем уровне техники для Триандафиллова было уже авантюрой. Расчеты доказывали, что это приведет к отставанию тыловых частей. При его оценках роли «материального» фактора в войне подобного он допустить не мог.

Указанные нормы, кроме технического обоснования, имели еще и политический аспект. Два цикла операций позволяли сделать бросок на 500-600 километров. Этот радиус, как нетрудно заметить, охватывал территории ближайших соседей СССР. Многие из них воспринимались как потенциальные военные противники.

Это, возможно, одно из тех положений книги, которое он вскоре бы пересмотрел — и не единственное. Ко второму изданию его основного труда был приложен краткий план его будущей переработки. Это настолько сжатые, конспективные заметки «для себя», что трудно определить их военно-теоретическую значимость. Они символичны другие. Они открыто указывают на принципиальную «нестабильность» триандафилловских расчетов, изначально заложенную в концепцию книги. Но у него расчеты не просто «сосуществуют» — они определяют друг друга. Это целая цепочка цифровых зависимостей, когда одна формула строго соотносена с другой. Малейшее изменение технических характеристик пушки или танка — и уже получался общий цифровой «сдвиг».

Когда отмечают условность его расчетов, то указывают именно на это. Доля правды здесь есть, но это не вся правда. Конечно, новые цифры модифицируют и прежние взгляды. «Подгонка» цифр под априорные конструкции для Триандафиллова немыслима. Но главное было не в том, точными или устаревшими оказались его вычисления. Главным была механика, самый метод проверки оперативных деталей цифрами. Главным было обнаружение сложного переплетения разнородных военных факторов. Главным стало открытие и глубинный анализ зависимости между различными элементами и фазами борьбы. Главным была целостность и уникальная системность взгляда на военную операцию, где нашлось место всему — и отдельному солдату и ударной армии.

ПОЛИТИКА

Как политический мыслитель, Триандафиллов почти не известен. Вопросы политики его интересовали мало. Он не афишировал свою партийность после 1919 г. и не на ней основывал свою карьеру. У него можно найти политические оценки, но их немного.

Вместе с тем его политический анализ — своеобразное дополнение к военно-теоретическим приемам. Правда, специальных работ в данном жанре у него нет. Однако в ряде статей содержатся политические «вкрапления». Наиболее заметны они в уже упомянутой статье о борьбе с Добровольческой армией. Там имеется небольшая главка «Тыл Деникина». Описание конкретно и достаточно откровенно, но оно кратко. Как результат этого, были утрачены важные подробности дела. Освещение политических неурядиц у «добровольцев» стало упрощенным и прямолинейным. Триандафиллов тут прежде всего исследовал факторы именно внутренней неустойчивости тыла. А это неизбежно придало односторонность его аналитическим подходам.

Обратимся, однако, непосредственно к его политической мысли. Вот один из выводов статьи, целиком посвященный политическим проблемам: «Стратегия учит, что перед войной нужно дать лозунги войны, создать благоприятную психологическую обстановку в широких слоях не только войск, но и населения. И надо отдать справедливость нашей партии, всегда великолепно справлявшейся с этой задачей. При всякой страте-

гической обстановке, даже тогда, когда, казалось, нет выхода, концентрически проведенная агитационная работа достигала цели и возвращала армии силы для новых активных действий». ⁴³²

Этот пассаж, даже при ритуальном упоминании партии, насквозь «технократичен». К «идее» автор подходит утилитарно, оценивая ее прежде всего как эффективный фактор военного успеха. И это проявилось не только в данной статье. Для примера упомянем «Характер операций современных армий», где есть целая глава «Задачи политического обеспечения». Там идеология рассматривалась как одна из форм разложения противника. Эта «идеологическая» утилитарность — примечательная сторона его прагматизма. В той же книге он говорит о том, как близки идеи новой власти массам. Но как только он коснется чисто военных аспектов этой темы, его тон сразу меняется: «Обстановка на фронте тяжелая; лишения на фронте и в тылу огромные. Люди могут под влиянием тягот и трудностей сегодняшнего дня упустить из виду конечную задачу, конечную цель. Мы это наблюдаем среди наиболее колеблющихся и неустойчивых элементов даже теперь в мирное время... Тем более это будет иметь место во время войны». ⁴³³

Ритуальные политические фразы не обманывали его: он видел и учитывал реальное положение дел. Но политика не была его стихией. В его политических рассуждениях нет той изощренности и подробного учета всех комбинаций, которые были свойственны ему в оперативном творчестве. Он по инерции повторял пропагандистские клише, не очень-то вникая в их смысл. У него мы можем найти и такие строки: «В большинстве случаев население имеет возможность само видеть или испытать на своей шее разницу между советской и капиталистическими формами государственного строя, разницу в экономической политике, разницу в политике по национальному и другим вопросам». ⁴³⁴

Все это сказано без той увлеченности, которая присуща его теоретическим поискам, без видимого интереса к этой проблеме. Он говорит о политике словно нехотя, скороговоркой. В обширной статье о ликвидации врангелевских войск «политработе» уделено всего несколько строк. То же самое можно сказать и о плане изменений в его главной книге.

⁴³² Краткий стратегический очерк. С. 153.

⁴³³ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. Второе издание. С. 162–163.

⁴³⁴ Там же. С. 167.

Но здесь мы видим и объективность, которая в нем всегда была сильнее искушения повторить агитационные шаблоны. Примечательна высокая оценка генерала Н. Н. Врангеля и его армии. Последняя, писал он, «превосходила наши армии как умении гибко маневрировать, так и в стойкости». ⁴³⁵ Не боясь кривотолков, он отдал должное и самому генералу, «который очень четко разбирался в обстановке, в нашем положении и очень умело в продолжении всего лета умел расстраивать все наши планы». ⁴³⁶

Политическая аналитика Триандафиллова несравнима по своей известности с его военно-теоретическими штудиями. Но характерные для него черты видны и здесь. Это прагматизм и объективность. Он их проявлял везде, где смог выразить себя. Где-то это отразилось фейерверком блестящих идей и неожиданных открытий, а где то банальностями и малосодержательной риторикой.

СТИЛЬ

Стиль Триандафиллова необычайно точно передает особенности его мышления. Разумеется, стилевая унификация неизбежна для человека, который творит в рамках определенной, интеллектуальной традиции. Обязательный набор терминов, даже целые лексические штампы, точно и адекватно обозначающие какое-либо явление, должны были заимствоваться и изначально проявляться в его писательской манере. Но стиль оттеняет и индивидуальность человека. Жесткость, прагматичность и чисто «милитаристская» направленность мысли наложили своеобразный отпечаток и на стиль Триандафиллова, сделав его напряженным, нервным, «сухим», кратким.

Конечно, краткость слога не является для него самоцелью, это не сознательная литературная вычурность. Она всегда имеет нормативные пределы и не становится причудливой. Его язык — это язык приказов, понятных, простых и безапелляционных. Но кое-где он переходит допустимую черту. Необходимые, связующие слова утрачиваются, лексические конструкции становятся хрупкими. «Интеллигенция совсем охладела», «времени порядочно. Надо более рационально использовать»,

---

⁴³⁵ *Триандафиллов В.* Ликвидация Врангеля. С. 118.

⁴³⁶ *Триандафиллов В.* К пятилетней годовщине ликвидации Врангеля // Война и революция. 1925. Кн. VII–VIII. С. 33.

«поездки в том виде, как его понимали до сих пор, оставить только окружные» — в этих предложениях заметно, как преобладающая краткость деформирует словесные структуры.

Вообще его язык не столько лаконичен, сколько «сух», т. е. лишен художественной отделки и однообразен по словарю. Метафоричность и даже ирония ему чужды. «Алгебраические» тенденции в его работах неизбежно ограничили их литературную обработку. Основной «беллетристический» элемент — это поговорки и устойчивые идиомы, но и они редки. Их употребление к тому же не учитывает специфики лексики. Они зачастую чужды их стилистике. «Эти бои были фактически его лебединой песней», «главное командование с легким сердцем разрешило Юго-Западному фронту свернуть на юг» — характерные примеры такого стилового смешения.

«Сухость» изложения в какой-то мере компенсирована наличием жаргонизмов в его письменной речи. Это своеобразный «низовой» способ «разнообразить» слово. Примечательно, что они почти не видны в его теоретических и исторических сочинениях. Здесь терминологический канон жестко регулирует нормативное профессиональное словоупотребление. Жаргонные слова чаще встречаются в его учебных и практических пособиях: «горячка на фронте», «сажаются на роль», «должны нажать на технику управления». Они словно воспроизводят отрывистую, полусвязную речь, привычную для полевых учений.

Одно из следствий краткости слова — его внутренняя напряженность. Эта зависимость отчетливо видна в уже упомянутом плане переработки его главной книги. «На местности, оставленной противнику, стремление:

– задержать

– собраться

– ударить»⁴³⁷ — так сформулировано одно из его положений. Разумеется, это специфический случай, когда краткость из-за структуры текста стала предельной, но есть и другие примеры.

Триандафиллов менее всего заботился о стилистической правке своих работ — у него были иные задачи. Свои таланты он проявил не здесь. Интерес к этой проблеме, однако, не случаен. Его новаторские концепции требовали и особой формы. Спокойное, плавное, литературно обработанное письмо своих

---

⁴³⁷ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Второе издание. С. 181.

предшественников он перенять не смог. Оно годилось скорее для глобально-стратегических рассуждений и для военной эссеистики. Аналитическая напряженность его поисков неизбежно разрушала канонический, общепринятый стиль. Он дал уже иное оформление военной мысли — но пока не отшлифованное, разностилевое, основанное на фрагментах различных типов письма. Его стиль — это еще не фасад, а «строительные леса» фасада, и снятие и замена которых могла быть лишь делом будущего.

ПОСМЕРТНОЕ

«История Красной Армии будет заполнена сотнями страниц о Владимире Кириаковиче, товарищи напишут много поучительного о его работах и идеях» — утверждалось в одном из некрологов после трагической смерти В. К. Триандафиллова в мае 1931 г. в авиационной катастрофе.⁴³⁸ Этого не произошло. Писали мало и глухо, и реже всего в конце 1930-х–1950-х гг. Единственное исключение — статья А. В. Голубева, глубокая и откровенная. С 1960-х гг. о нем иногда упоминали и мемуаристы — в их числе Г. К. Жуков, А. М. Василевский, М. В. Захаров, К. А. Мерецков.⁴³⁹ Его облик стал отчетливым, но мозаичным. Он был известен — но в этой известности нет ничего индивидуального, его трудно выделить из когорты аналитиков 20-х гг.

В начале 1930-х гг. ситуация была другой. Его часто вспоминал и цитировал Тухачевский. Книга «Характер операций современных армий» была самой популярной среди командиров РККА. «Это была первая теоретическая книга в области оперативных вопросов, на которой можно было учиться», она «изменила привычный ход мышления очень и очень многих оперативных работников» — так ее воспринимали в 1932 г.⁴⁴⁰ О ней много спорили, ее изучали. Инерция движения, которую Триандафиллов придал советскому военному мышлению, оказалась более устойчивой, чем известность его реформатора. Это хорошо видно на примере официальной канонизации теории глубокой операции. Уже упомянутая записка Триандафилло-

⁴³⁸ Красная звезда. 1931. 14 мая.

⁴³⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 118; Мерецков К. А. На службе народу. М., 1988. С. 98; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 61–62.

⁴⁴⁰ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Издание второе. С. 3.

ва 1931 г. оказалась ядром доклада начальника Штаба РККА А. Н. Егорова Реввоенсовету СССР. Он подробно изучался в войсках, были, замечания и поправки. Плод этой работы — издание в 1933 г. «Временных указаний по организации глубокого боя». Их практическая значимость определялась затем в полевых условиях, на учениях и играх. «Инструкция по глубокому бою» 1935 г. и стала итогом нормативного оформления триандафилловских идей.

Вся эта сложная ступенчатость обсуждения — одна из тех причин, по которым позднее историки оттеняли коллективное, а не авторское начало в данной теории. Отчасти они правы. В концепции Триандафиллова учтены и политико-стратегические идеи (здесь очевидно влияние не только Тухачевского, но и генштабистов), и прикладные разработки военных операторов. Все это так. Не изменение парадигмы военного мышления — многоактное действие. Исследование частных тактических проблем и общие и фрагментарные стратегические рассуждения — всего лишь его начало. Решающим условием здесь был синтез всех оперативных комбинаций — широкий, энциклопедический и системный. Только тогда и могла возникнуть новая теория. Это и была, образно говоря, та «первоидея», которая определяла код и диалектику оперативной мысли.

Ее и оформил Триандафиллов. Именно синтез, а не компиляция различных идей — вот что характерно для него. Целостность теоретических построений — его прежде всего творческий результат его работы. Он предложил образец, канон военно-тактических приемов, дальнейшие модификации которых лишь развивали и углубляли их существенные черты. Он был первопроходцем. Следовавшие за ним расширили проложенный им путь, но его направление сохранилось.